

Наталья Нестерова

А в остальном,
прекрасная
маркиза...

Из всех вечных
вещей любовь длится
короче всего...

Наталья Нестерова

А в остальном, прекрасная маркиза... (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625255

*А в остальном, прекрасная маркиза/ Наталья Нестерова: АСТ,
Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-113826-4*

Аннотация

Почему современные мужчины не защищают честь дамы на шпагах или пистолетах? Потому что современные женщины оберегают избранников от ситуаций, требующих дуэльных доблестей. Мы их пилим, зудим, капризничаем, но они столько работают, что все средневековые доблести давно превратились в честолюбивые карьерные стремления! И если вам удалось отбить Прекрасного принца у его законной, но недостойной половины, с честью пройти испытание «знакомство с будущими родственниками», связать себя узами брака именно с тем, о ком мечтаете, не поддаваться на провокации «лучшей подружки», простить дорогому существу случайный флирт на стороне, тогда... Тогда ждите сюрпризов от детей и внуков! А в остальном, прекрасная маркиза...

Содержание

Папа шутит	4
Гриша-мерседес	21
Жена наварха	43
Сватовство	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Наталья Нестерова

А в остальном, прекрасная маркиза... (сборник)

Папа шутит

– Теперь нарезать соленый огурец?

Будущая свекровь задрала брови:

– Как? В салат с крабовыми палочками – соленый огурец?

Точно я предложила нечто совершенно несусветное, вроде керосина в чай.

– В салат с крабовыми палочками идет только свежий огурец!

– Да, конечно. Забыла!

Я постаралась изобразить самую очаровательную из своих улыбок. И снова почувствовала себя растяпой и неумехой.

Это продолжается уже больше часа. Саша привел меня знакомиться с мамой, Елизаветой Григорьевной. Приняла она меня исключительно доброжелательно. Но я чувствую, что подвергаюсь череде маленьких экзаменов и проверок.

На экзаменах я никогда не умела достойно выглядеть. В институте, даже если знала материал на «отлично», мямлила и путалась, в лучшем случае получала «хорошо». А теперь

на «тройку» с минусом отвечаю?

Хотя мы с Сашей опоздали к условленному времени, у Елизаветы Григорьевны обед не был готов. Наверное, специально, чтобы увидеть меня на поле боя, то есть на кухне.

Саша оставил нас одних, накрывает стол в комнате. Подозрительно долго отсутствует. Наверняка сел за компьютер. А я отдувайся! Или это маленькая месть за визит к моим родителям в прошлые выходные?

К моим мы тоже опоздали. Но у мамы уже ломился стол, а папа принял рюмочку-другую. Когда он в подпитии, то становится, мягко говоря, балагуром. «Бес в пьяного дурня вселяется», – считает моя мама.

– О! Александер! – воскликнул папа и потряс Саше руку. – Жених! Дочка, какой это у нас жених по счету?

Саша покраснел и поджал губы.

– Папа шутит, – сказала я.

– Принцесса! – Папа театрально прижал руки в груди и умилительно кривился. – Моя дочь – принцесса! – повернулся он к Саше. – Усекаешь, почему?

– Она прекрасна и красива, – ответил Саша и заработал улыбку благодарности от моей мамы.

– Не усекаешь, – продолжал паясничать папа. – Если она принцесса, то я кто?

– Насколько знаю, отец.

– Точнее!

– Мне неизвестно точнее.

– Если моя Маша принцесса, то я?.. – выдержал паузу отец и сообщил: – То я – король. Так и зови меня попросту – Король.

– Как скажете. Король Воробейчик – это звучит.

Наша фамилия Воробейчик. Мы с мамой прыснули. Нам понравилось, что Саша в пределах вежливости показывает нетрезвому папаше зубки. Если моему батюшке даль волю, он обсмеет вас с головы до ног. С ним долго не разговаривал муж его родной сестры, к которому папа прицепился на семейном торжестве: будто от дяди Коли странно пахнет. Весь вечер: «Коль, ты бы одеколоном пользовался! Коля, может, у тебя газы? Сестра, отведи мужа к врачу, у него кишечник пропускает». Дядя Коля чуть не побил моего папу. Тетка и мама разнимали.

Такой он, мой родитель, в трезвом состоянии вполне культурный.

Во время обеда, после тоста за знакомство, под салаты и прочие закуски, папочка продолжил терзать Сашу.

– Принц Александер...

Это «Александер», я видела, корежило Сашу. Но заткнуть моего папу можно, только стукнув по голове и отправив в нокаут. С колеи, в которую его швырнуло хмельное сознание, не вытащишь. Сегодня его заклинило на сказочных мотивах, на принцессе, которую домогаются женихи.

– Положено отгадать три загадки. Отгадаешь – отдам тебе

дочь.

– И полцарства в придачу? – пробормотал Саша.

Папа его не услышал, потребовал от меня:

– Загадывай!

– Не лает, не кусает, а в дом не пускает, – покорно выдохнула я и тихо пояснила Саше: – С ним лучше не спорить.

– Замок, – ответил Саша.

– Поддавки! – возмутился папа.

– Давайте, Сашенька, положу вам заливное рыбное, – предложила мама с извинительной улыбкой.

Мол, мы понимаем, как вам все это не нравится, но уж потерпите.

– Маня! Вторая загадка.

– Без окон, без дверей, полна горница людей.

Удивительно, но Саша не знал этой детской загадки. Посмотрел на меня растерянно:

– Интернет?

– Ох-хо-хо! – рассмеялся довольный папа. – Счет один один! Арбуз, он же огурец!

– Что? – насупился Саша, который не любил проигрывать. – Какой арбуз-огурец?

– Отгадка: арбуз или огурец, – с торжествующим видом заявил папа. – Семечки – фигурально люди. В тесноте да не в обиде. Выпьем за это. Маня! Третья загадка, решающая. Не посрамайсь, дочка, посложнее задай.

Ну, держись, папочка! Еще посмотрим, кто сообразитель-

нее: ты или «Александр»!

– В подвале установлены три лампочки, а выключатели от них в комнате. Как за один поход в подвал определить, какая лампочка соответствует каждому из выключателей?

– Интересно, – оценил задачку Саша.

У папы забегали глаза, он явно не мог решить задачу.

Мама под видом перестановки блюд на столе повернулась ко мне и прошептала:

– Ты зачем головоломку выдала? За один поход в подвал никак нельзя определить!

– Спокойно! – так же тихо ответила я.

Саша покрутил задумчиво вилку в руках и через несколько секунд сказал:

– Готово. Вы, конечно, – обратился он к моему папе, – знаете правильный ответ?

– Так... это... само собой... как же, – заюлил папа. Но потом вскинулся: – Кто тут жених? Я или ты?

– Я жених, – спокойно согласился Саша. – Нужно повернуть один из выключателей и отправиться покурить.

– Зачем? – хором спросили папа и мама.

– Сейчас поясню. Итак, покурив, вернуть выключатель в исходное положение и повернуть другой. Затем спуститься в подвал. Потрогать лампочки. Та, что нагрелась, будет соответствовать первому выключателю. Та, что горит, – второму. Соответственно третьему выключателю – оставшаяся лампочка.

– Гениально! – закричал папа.

Мама с облегчением выдохнула и широко улыбнулась. Саша ей нравился.

– Отдаете мне дочь? – спросил Саша.

– Бери! – широким жестом позволил папа. – Надо выпить, стоворились.

– Принесу горячее, – поднялась мама. – Маняша, собери маленькие тарелки.

Мы с мамой переглянулись: рано! Рано папу отправлять на боковую, еще не взял норму. У него должен наступить момент, когда начинает икать, безостановочно и громко. Тут мама подхватывает его и провожает в спальню: «Дорогой, тебе надо полежать несколько минут, чтобы прошло. Отдохни до чая». «С коньячком!» – сквозь икание напоминает папа. До чая и коньяка, как правило, дело не доходит. Папа засыпает и храпит так, что у соседей внизу люстра раскачивается.

Пока отец не принялся икать, он успеет еще попортить кровь «Александреру» рассуждениями о «свадебке».

– Сколько вам нужно? – спрашивал щедрый спяну папа. – Не поскуплюсь! Машину продам, кредит возьму!

– Отдайте лучше наличными, – усмехнулся Саша.

– Мы не собираемся устраивать пышную свадьбу, – сказала я.

– Что? – качнулся на стуле папа. – Моя дочь как залежалый товар шито-крыто распишется? Не будет на то нашего благословения! Грех родне и друзьям не представить жениш-

ка, который Интернет с арбузами путает.

Наконец наступила последняя стадия перед иканием – циклический повтор одного и того же. Папа что-нибудь рассказывает, мгновенно забывает и начинает историю заново.

Нынче после требования, чтобы мы с Сашей принялись немедленно рожать, плодились неукротимо, папа вспомнил, как я маленькой увидела беременную женщину. Спросила, почему тетя такая толстая. Мне объяснили, что внутри живота у нее ребеночек. Я подошла к женщине и спросила: «Тетя, зачем вы съели ребеночка?»

Рассказал папа один раз, все посмеялись. Папа еще выпил и «вспомнил»:

– Да! Вы с детьми не тяните. Маня, когда была маленькой, увидела беременную...

Мы дослушали и слабо улыбнулись. Папа икнул, тряхнул головой и погрозил нам пальцем:

– Внуков требую! Маняша как-то увидела беременную...

Никто не отреагировал. Папа стал икать чаще, мама изготавилась транспортировать его в спальню.

– Маня! – ик. – Ты, – ик, – не на сносях, – ик? Хорошо бы, – ик. – Ты, – ик, – когда была маленькой... – ик. – Увидела, – ик, – беременную, – ик...

Он доикал историю, от которой нас уже тошнило, и мама решительно потянула его из-за стола:

– Пойдем, мне нужно с тобой поговорить.

Мы слышали, как по пути в спальню она уговаривает его

полежать. А папа требует коньяка к десерту.

– Он такой только пьяненький, – оправдывалась я перед Сашей. – Да и пьет не часто. Папа умный, добрый, молчаливый, но под градусом...

– Все понимаю, – обнял меня Саша, – не переживай!

Воскресным утром папе, терзаемому похмельем и провалами памяти, мама устроила разбор полетов.

– Ты что творил! Ты что нес! Папа шутит! Папа у нас шутник! Мы со стыда чуть не умерли, дочь едва не рыдала. Я думала, сквозь землю провалюсь. Мальчик первый раз в дом пришел, а ты ему – Александер! Наплел про женихов бывших. Короля из себя корчил! Король Воробейчик!

– Что, так плохо все было? – робко спросил папа.

– Хуже не придумаешь! Зачем ты Сашу заставил загадки отгадывать?

– Про загадки смутно помню.

– Кстати, папочка, – вставила я свое слово, – ты обещал продать машину, взять кредит и подарить нам большую сумму денег.

– Да?! – пораженный папа схватился за больную голову. – Много обещал?

Мы еще некоторое время песочили его на два голоса, пока праведный гнев не улетучился и не взяла верх жалость к больному и убитому стыдом папе. Он без наших требований дал слово не пить. После того случая, когда обвинил дядю Колю в вонючести, папа не брал в рот спиртного целый год.

Мы встречались с Сашей давно, вместе ездили в отпуск и пользовались квартирой приятеля, который часто уезжал в командировки. Знакомство с родителями было телефонным: «Здравствуйте, это Саша! Можно Марию к телефону?», «Добрый день, Елизавета Григорьевна! Могу я поговорить с Сашей?». Приятель вернулся, устроился на работу без командировок. Мы решили пожениться и, конечно, не могли оставаться в подполье.

И вот теперь будущая свекровь тестирует меня на доблести хозяйки.

Улучив момент, я шепнула Саше:

– Катастрофа! Кажется, совершенно не нравлюсь твоей маме!

Когда сели за стол, Саша не нашел ничего лучшего, как заявить:

– Мама! А Маняша думает, что тебе не понравилась.

Я подавилась куском, закашлялась и метнула на Сашу гневный взгляд. Он похлопал меня по спине.

– Почему же? – спокойно ответила Елизавета Григорьевна. – Вы, Маша, на первый взгляд вполне симпатичная девушка.

И на том спасибо!

Светскую беседу на отвлеченные темы опускаю. Но у меня снова встал поперек горла кусочек крабовой палочки, когда Елизавета Григорьевна спросила:

– Надеюсь, жить вы собираетесь у нас? Места достаточно.

Я похолодела. Несколько раз сглотнула и испуганно смотрела на Сашу. Мы так не договаривались!

– Нет, мамочка! – ответил он и протянул мне стакан с водой. – Мы хотим снимать квартиру.

– Но тогда вам не удастся накопить на свое жилье!

– Как-нибудь выкрутимся.

Елизавета Григорьевна обиженно поджала губы:

– Не думаю, что я бы вас стеснила. А какие условия у ваших родителей, Маша?

– Двухкомнатная квартира. Они бы тоже нас с радостью приняли. Но мы мечтаем жить самостоятельно.

– Хозяин – барин. Еще один вопрос, надеюсь, он не покажется вам неуместным. Я имею право знать. Когда вы планируете детей, Маша?

– Мы планируем, – промямлила я, – но не в ближайшее время.

– Иногда дети заводятся неожиданно, – строго сказала Елизавета Григорьевна, словно речь шла о тараканах. – Последствием аборта может стать абсолютное бесплодие. Вы, Маша, должны отдавать себе в этом отчет!

– Я отдаю, я понимаю, я не буду...

– Когда Маня была маленькой, – пришел на выручку Саша, – она увидела беременную женщину...

– О, нет! – тихо простонала я. – Ты еще икать начни!

Выслушав знаменитую историю из моего детства, Елизавета Григорьевна без тени улыбки резюмировала:

– Очень смешно.

И до конца вечера мы с ней изображали двух космонавтов, которых судьба забросила на орбитальную станцию. Младший космонавт изо всех сил старался понравиться и потому смотрелся неумно, дуркова-то. Космонавт постарше видел-перевидел всяких летунов и не обольщался.

Только центр управления полетом, то есть Саша, чувствовал себя отлично, внутренне подтрунивая над нашими зажатостью и церемониями. Пытался развлекать, шутил, но юмор был нам недоступен, и над своими остротами Саша смеялся в одиночестве.

Когда пытка закончилась и Саша поехал меня провожать, я картинно смахнула пот со лба. Но сказала совершенно серьезно:

– Лучше пять экзаменов по математической физике, чем одно знакомство со свекровью.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – Саша привычно обнял меня за талию. – У тебя будет только одна свекровь. И соответственно единственный муж на всю оставшуюся жизнь. Что касается моей мамы, то с ней все просто. Во-первых, она не пьет и не просит называть ее «ваше величество». Тихо! Тихо! – он сжал меня покрепче, потому что я дернулась. – Во-вторых, мама полюбит тебя неземной любовью, потому что обожает все, что нравится мне. Даже пыталась компьютерное программирование освоить, но быстро сломалась. В-третьих, с моей мамой надо соглашаться. Она советует, реко-

мендует, предлагает – ты соглашаешься, но поступаешь по-своему.

– Ты же не согласился, чтобы мы с ней жили, – напомнила я.

– Любой конформизм удобен, пока не доходит до абсурда, то есть своей противоположности. Мамина атака с аргументами за общее жилье еще впереди. Придется пообещать ей...

– Что?!

– Не перебивай. Поиски квартиры не отменяются. Скажем потом, что нашли вариант исключительно дешевый и выгодный.

Я остановилась как вкопанная, потому что по мозгам ударила очевидная мысль:

– И со мной будешь так? Двойная жизнь, мораль, политика? На словах одно, на деле – другое?

– Никогда! – со смешком и потому недостаточно искренне заверил Саша. – С тобой на деле будет по-другому. Сейчас малую толику этого дела продемонстрирую.

Он затащил меня в темную подворотню, где мы долго целовались, и я забыла о своих опасениях.

Родителей решили знакомить на нейтральной территории, в ресторане.

По тому, как тщательно были уложены волосы у мамы и у Елизаветы Григорьевны, по их новым, магазинно-свежим платьям можно было догадаться, что готовились серьезно.

Папа, у которого к вечеру обычно вырастает темная щетина, был выбрит, закован в костюм, придавлен галстуком и белой рубашкой. Для родителей этот ужин – важное событие. Для меня и Саши – вынужденное мероприятие.

Смущение первых минут скрасило долгое выбирание блюд. Всем хотелось проявить щедрость и размах, но мешало осознание, что столько не съесть. Официант стоял около нашего столика и нетерпеливо постукивал карандашом по блокноту.

– Не вибрируйте, молодой человек! – велел ему Саша.

Все-таки мой муж, пока жених, станет большим человеком и начальником! Он умеет короткой фразой, взглядом, движением бровей навести порядок вещей и указать человеку на его место. Если он научится достойно проигрывать, не тушеваться, не бояться остаться в дураках, ему цены не будет! Я обязана ему в этом помочь. И как же мне повезло, что я встретила Сашу! Боженька, спасибо!

– Не пью, – накрыл папа рюмку ладонью, когда принесли спиртное.

– Давно? – спросил Саша.

– Как язва открылась, – выступила моя мама.

– Язва передается по наследству? – насторожилась Елизавета Григорьевна.

– Папина не передается, – успокоила я.

Застолье покатило мирно и культурно. Беседуя о политике, погоде, обсуждая телевизионные передачи и телеведу-

щих, родители умудрялись исподволь выуживать необходимую информацию. Откуда родом, образование, профессии, наличие близко и далеко живущей родни, уровень материального достатка, наличие автотранспорта, дачных участков, долгов и приработков.

«Им бы дипломатами служить или разведчиками», – подумала я. Подмигнувшему мне Саше, похоже, пришла та же мысль. Мы часто ловим себя на одинаковых мнениях.

Испортил все Саша. Потом говорил мне, что из мужской солидарности уговорил папу выпить. На мой же взгляд, солидарность должна заключаться в том, чтобы не провоцировать непьющего человека. Играть на слабостях – подло! Мы даже поссорились. Полчаса, наверное, ссорились. Пока не помирились известным способом с помощью поцелуев.

Тогда, в ресторане, Саша призывал моего папу:

– Рюмку водки, а? Такое событие, помолвка, можно сказать. Язву продезинфицировать?

Под столом я изо всех сил стукнула каблуком Сашу по ступне. Он крикнул и убрал ногу, но уговоры продолжил. Мама испуганно округлила глаза, я заерзала на стуле. Нам обоим прекрасно известно, что папа не переносит насилия над его волей с нашей стороны. Если мы будем им командовать, то добьемся противоположного результата. Папа принимает только те ограничения, которые сам на себя взял, а наши с мамой воспринимает как шантаж.

Но тут мы забыли о мудрой семейной политике.

– Тебе нельзя! – строго заявила мама.

– Ты обещал! – напомнила я.

Папа посмотрел на нас, усмехнулся и обратился к Саше:

– Наливай!

Елизавета Григорьевна явно заподозрила, что мой папа – хронический алкоголик, чью пагубную страсть скрывают жена и дочь. Елизавете Григорьевне и досталось.

Через несколько минут папа за нее принялся:

– Значит, вы преподаете в школе детям великую русскую литературу? Тогда ответьте, любезный филолог! В названии романа «Война и мир» Лев Толстой какой мир имел в виду? Мир – как отсутствие войны или мир – как вселенную?

– Многозначность слова «мир», – покровительственно улыбнулась Елизавета Григорьевна, – придает названию этого великого эпоса особое значение.

– Точнее, какой все-таки «мир»?

Мой папа так просто не отстанет.

– Оба. Оба значения этого слова.

– Неверно! – громко обрадовался папа, и люди за соседними столиками повернули к нам головы.

– Ты хоть тише, – обреченно попросила мама.

– Ошибочка, «двойка»! – выставил папа оценку Елизавете Григорьевне.

– Почему же? – вспыхнула та. – Да, в девятнадцатом веке существовало два написания: «мир» через «і» с точкой и современное. Они действительно отличались по смыслу...

– Теплее, теплее, – кивнул папа, словно они в загадки играли, и Елизавета Григорьевна была близка к правильному ответу.

– Родную мать на растерзанье подсунул! – процедила я Саше.

– И поскольку осталось единственное написание, – продолжила Елизавета Григорьевна, – ваш вопрос не имеет смысла.

– Но Толстой-то как озаглавил? Выпьем за классика!

После того как выпили, мама попыталась сменить тему:

– Не хотите ли, Елизавета Григорьевна, в следующие выходные поехать с нами на дачу? Клубника поспела...

– Толстой отдельно, – папа не давал себя сбить, – клубника отдельно. Ну, филолог?

– В литературоведении эта проблема не освещена, – пошла на попятную Елизавета Григорьевна.

Я, забыв все приличия, схватила папу за галстук, притянула к своему лицу и отчетливо сказала:

– Или ты заткнешься, или я тебе не дочь!

– Почему же, Маша? – неожиданно стала на защиту моего батюшки Елизавета Григорьевна. – Мы обсуждаем интересный литературоведческий вопрос.

А папа понял, что я не шучу. Да и выпил он еще немного, до стадии циклических рассказов и икания еще не хватало пол-литра.

– Маняша, дочка! Я же ничего! Это Толстой написал через

«і» с точкой, земной шар, а не отсутствие войны.

– Официант! Официант! – замахала, призывая, мама. –

Пожалуйста, побыстрее, чаю, пирожных и...

– Коньяка! – добавил Саша.

Так мой папа впервые за многие застолья получил десерт с коньяком.

Гриша-мерседес

О своем автомобиле Гриша мечтал давно. Точнее – всю жизнь. Пацаном остро завидовал автолюбителям. Правильно спаянное слово – «авто» и «любитель». Не любить машину невозможно. Но в их семье было пятеро детей, даже «Запорожец» купить не светило. Маленький Гриша часто представлял себя водителем: оседлает стул и крутит баранку воображаемой машины. Братья и сестры смеялись: далеко уехал? Но когда Гриша подросток, он на винтики-шпунтики разбирает будильник или со свалки притащенный велосипед, мог собрать, починить, придумать, откуда взять недостающую деталь. Тогда все признали: мастер золотые руки. Он чувствовал металлическую душу механизмов, и они платили ему своей второй жизнью. Мама гордилась: то одна соседка прибежит – пусть Гриша посмотрит мою швейную машинку, то другая попросит – не починит ли Гриша утюг. Конечно, починит и заработает на мороженое. А сосед, имевший «Москвич», получил в лице Гриши незаменимого помощника-слесаря. Гриша днями пропадал в гараже, доводя машину до возможного автомобильного совершенства. Приятели хоть и считали Гришу чудаком, который вместо гульбы в моторах ковыряется, не дразнили. Потому что драться Гриша тоже умел, при необходимости пускал в ход кулаки.

В армии Гриша водил танк. Демобилизовавшись, шофе-

ром не стал работать, в железнодорожном депо платили больше. Устроился учеником слесаря, со временем получил высокий разряд. Женился на Маринке, она в диспетчерской трудились. Родилась дочка, через пять лет – сын. Долго не получалось откладывать на заветный автомобиль – квартиру обставь, без холодильника или телевизора не обойдешься. Дети растут как на дрожжах, только успевай покупать одежду и обувь. Да и прочие семейные траты – все по мелочи, а зарплаты его с Маринкой улетели.

И все-таки к девяносто восьмому году Гриша отложил первую тысячу долларов, которая и сгорела в дефолте. Банк, где хранились кровные, лопнул как мыльный пузырь. Попадись владелец этого банка Грише – убил бы!

Следующие девять лет семья жила в условиях жесточайшей экономии. Марина записывала траты в специальную тетрадочку, Гриша проверял и ругался, если покупки, с его точки зрения, были излишними. Марина припрятывала часть своих премий или зарплат, чтобы купить детям обновки. Ну разве можно девочке и сыну плохо выглядеть? А Гриша считал, что джинсы носят, пока не истлеют или не станут так коротки, что шорты напоминают. Благо, Гриша отличался полной слепотой в отношении нарядов и не замечал обновок. Он не был жадным. Просто у него была мечта. И мечта стоила больших денег.

В тридцати километрах от их города находилась родная деревня Марины. В молодости она говорила: «В нашей де-

ревне», а теперь: «У нас на даче».

На даче трудились как каторжные, отпусков на море и в санаториях не знали. Зато свои картошка, капуста, свекла, морковь. Солили-мариновали огурцы и помидоры, сушили грибы, капусту квасили бочками. Большое подспорье и экономия денег. Гришина теща, которую он звал Мама Вера и был с ней на «ты», откармливала четырех поросят и держала два десятка кур. Осенью свиней резали – для себя, не продавали. Забивали мясом морозильники в городе и в деревне. Из того, что не влезло, делали тушенку, закатывали в литровые банки. Вкусная получалась, не сравнить с магазинной. Опять-таки – на своем мясе. Когда оно кончалось, резали кур.

Дочка Света ехидничала: у нас закончился свинячий период, наступил птичий. Гриша ей – расклад: если на рынке покупать, то столько-то за килограмм, а у нас, с учетом комбикорма, себестоимость в десять раз ниже. Труд по разведению свиней, птицы, выращиванию овощей, ягод и фруктов не учитывался. Питались бы магазинным, ни копейки не отложили бы. А у них получалось!

Сын Вовка просил компьютер. «Сперва – машина», – был отцовский ответ.

К Гришиной мечте все относились с пониманием, уважали. Братья и сестры, если в долг и просили, то отдавали вовремя. Мама Вера, чье хозяйство процветало, держалась фермершей. Соседки завидовали: их сыновья и зятя либо

пьянь, либо лодыри. А Гриша пахал на огороде от зари до зари. По выходным и в отпуске. Не считая основной работы в депо. Мужик что трактор.

Теща Гриши постоянно жаловалась на здоровье. Выгонит самогонку и заявляет: «Это на мои похороны». Умирала она уже лет пятнадцать. Гриша только усмехался: пусть поплачется на свои больные ноги-руки и внутренности. Главное – вкалывает за троих. Самогон – опять-таки экономия, не надо на казенную водку тратиться.

Мечта о личном автомобиле грела Гришу и освещала его жизненную дорогу, так Полярная звезда древним мореплавателям указывала направление пути сквозь штормы и бури. Марина отлично понимала, что семейным согласием обязана будущему автомобилю. В отличие от многих у них своя Полярная звезда, вот и нет больших ссор и скандалов, битья посуды, натурального мордобития, хлопанья дверями, разводов и примирений с неизрасходованным багажом упреков. Гриша не пил по черному, не гулял, не распускал рук. Что еще жене надо?

Автомобиль превратился в своего рода фетиш, идол, которому вслед за главой семейства все поклонялись, чье воцарение ждали как милости небесной.

Гриша мог часами говорить об автомобилях, преимуществах и недостатках разных моделей. У какой движок плохой сборки, у какой жестянка худая, где электрика страдает, где подвеска подводит, кто много бензина жрет – подними

Гришу среди ночи – расскажет. Знания он черпал из автомобильных журналов, которых развелось немало. Марина на приобретение периодики не крυσилась. В том смысле, что могла бы заявить: «Тратишься на журналы, когда у сына нет осенней куртки». Марина знала: журналы достаются Грише бесплатно – завел знакомство с киоскершей. Марина не ведала, что ради дармовых, списанных журналов Грише пришлось заигрывать с дурнушкой-киоскершей, несколько раз проводить ее до дома, потискать в подъезде, туманно намекать на возможность дальнейших отношений.

Три полки книжного стеллажа плотно затрамбовали Гришины журналы. Он справедливо прослыл авторитетом в области персональных автомобилей. Подсказывал и советовал, в депо многие купили машины раньше него. Без Гришиной экспертной оценки не обходилось. И все, естественно, ждали, что за чудо сам Гриша приобретет.

Он долго, за три года до накопленной суммы, решал: мысленно просчитывал и вслух рассуждал – покупать новый отечественный автомобиль или подержанный импортный. Чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. О «за» и «против» мог говорить часами. Победило честолюбие: возмущу заграничный.

Представьте сцену: приезжает Гриша на работу или в деревню, которая дача, на импортной тачке! Это ведь совсем другая картина, подкати он на «Жигулях» даже последней модели.

С автомобильной фирмой, маркой, годом выпуска Гриша тоже определился. «Мерседес» – и никаких гвоздей! Не старше десяти лет и с пробегом не более ста тысяч километров. И чтоб не битый. В их городе выбор подержанных автомобилей невелик. Связался с московским дилером: пять процентов от стоимости берет, сволота, да никуда не денешься, придется раскошелиться.

Деньги капали в банк (надежный, государственный), а для Гриши каждый этап телефонных переговоров с дилером был волнительным и трепетным. Если бы Гриша или Марина лучше знали великую русскую литературу, в частности, творчество Льва Николаевича Толстого, они бы сравнили эти треволнения с первым балом молоденькой барышни-дворянки. С той разницей, конечно, что трепещущая барышня – это машина, а кавалер и возможный супруг – Гриша.

Столичный специалист, поначалу раздраженный Гришиными вопросами, придирками, нудными уточнениями, демонстрацией знаний технологических тонкостей, постепенно превратился в своего парня. Дилер сам загорелся: найду ли я человеку дотошному, разбирающемуся, задающему тысячи профессионально верных вопросов, нужное авто? Втюхивать дурням «утопленников» – автомобили, побывавшие в наводнении, у которых электрика сегодня действует, завтра откажет, – не велика премудрость. А толковому парню достойную тачку обеспечить? Другая статья!

Дилер и Гриша постепенно с обращения на «вы» перешли на «ты» – Гриша и Костя.

О том, что у Гриши есть свой человек в Москве, подбирающий ему машину, знали, естественно, все: и родня, и ребята из депо. Уважение росло. Приклеилось прозвище – Гриша-Мерседес. По аналогии с министром обороны в начале девяностых Павлом Грачевым, которого за глаза величали Паша-Мерседес. А что? Министру, может быть, обидно, а Грише – почетно.

Нашел-таки Костя машину! В Гамбурге. Показатели даже лучше, чем хотели. У немецкой пенсионерки муж тяжело и долго болел, его «Мерседес» простоял в закрытом теплом гараже пять лет, пробег шестьдесят тысяч километров, хозяин помер, машину вдова продает. Грише обойдется в пятнадцать тысяч долларов. Тык-впритык, что он собрал. Костя вызвался сам пригнать авто Грише, пора и познакомиться.

Событие, конечно, не городского масштаба, не выборы мэра, но многие были в курсе и с нетерпением ждали: что за красавца Гриша получит от немецкой вдовы? Цвет у будущего автомобиля не примитивный белый, синий или серебристый, а загадочный – «мокрый асфальт».

Забирать деньги из банка Гриша отправился в сопровождении двух приятелей из депо, рослых и грозных. Пачка долларов оказалась тоньше, чем он ожидал, во внутренний карман куртки поместилась и не оттопыривалась. Думал – рюкзак потребуется, с собой прихватил. Девять лет ломался

за кучку бумажек. Спокойно! Кучка равняется сказочному «Мерседесу».

Гриша и охрана двигались по улице с грозными лицами – попробуй отними! Но никто на них не напал, благополучно до квартиры добрались. Ребята намекнули: надо обмыть. Гриша отказался, устоял: когда «мерс» в полную собственность перейдет, после оформления в ГИБДД. Там тоже свои люди имелись, обещали без очереди пропустить.

Ребята ушли, а Гриша с Мариной долго перебирали деньги, считали, сбивались, снова считали, разложив в кучки по тысяче. Пятнадцать стопок. Фантики. А сколько за ними трудов и нервов! Сколько власти и возможностей!

Им на работу во вторую смену идти. Куда деньги спрятать? Многие знают, что они на машину сняли, завтра покупают. Среди их приятелей уголовников нет, да чем черт не шутит.

Оторвать половицу, под пол? В банку с гречневой крупой? Среди детских вещей замаскировать? В швейную машину? Не годится! Соседка пенсию прятала в ножной швейной машине под педалью. Воры прямехонько к машине и направились, все унесли. Хотя, подозревал Гриша, не исключено, что грабителем был родной племянник соседки, непутевый парень и наркоман, по слухам.

Гриша и Марина крутили головами, подыскивали место для тайника, но ничто не казалось им надежным.

– В полиэтиленовый пакет положить, засунуть в тушку ку-

рицы и в морозильник? – предложила Марина.

Идея Грише понравилась. Но в окаменевших кур деньги не влезали. Просто оставить в морозильной камере? Не годится, так многие прячут, известное для воров место.

Гриша достал пакет молока, вылил остатки в стакан, аккуратно разорвал по шву, прополоскал пакет, вложил в него купюры и снова заклеил по шву надежным быстро сохнущим клеем. Выглядело натурально. Обычный пакет, с надрезанным уголком. Стоит себе за полками у задней стенки холодильника. Разве догадаешься, что в нем капитал на «Мерседес»?

Ехали в автобусе, Марина ревниво шептала мужу на ухо:

– Ты ее больше меня любить будешь?

– Кого «ее»? – напрягся Гриша, потому что в этот момент за окном проплыл киоск, где он журналы приобретал.

– Машину, «Мерседес».

– А! Я вас по очереди любить буду, – довольно хохотнул он.

Они вернулись с работы поздно ночью. Открыли дверь и первое, что увидели – большой зад Мама Веры. Она швабры не признавала, возила тряпкой, согнувшись пополам.

«Корма у тещи нешуточная, – подумал Гриша. – Примчалась. Как же такое событие пропустить!»

– Ноги вытирайте, – разогнулась Мама Вера. – Три часа убираю, развели грязи.

Маринка скривилась: дома у нее было чисто, просто мама любит строить из себя самую аккуратную и незаменимую.

– Деньги сняли? – спросила теща. – Куда спрятали?

– А ты уже порыскала! – усмехнулся Гриша. – Нашла? То-то же!

Они вместе вошли на кухню. Гриша открыл холодильник. Пакета не было.

Марина ахнула, присела, стала быстро передвигать миски, тарелки, свертки. Пакета не было.

– Где? – прохрипел Гриша. – Где пакет с молоком?

– Оно уже пропало, – спокойно ответила Мама Вера. – Я холодильник размораживала, мыла. Хотите молочка? Свеженького привезла. Налить?

– Мама! – взвизгнула Марина. – Где пакет?

– Да говорю же тебе! Скисло. Коробку потрясла, оно уж тархтело как песок, такое и на блины не годится. Выкинула.

Марина кинулась к мусорному ведру под мойкой. Пусто. Ведро изнутри покрывает старый пакет. Пусто! Она вынесла мусор!

Гриша не ругался. Безумно выкатил глаза, стоял с открытым ртом, из которого несло утробное курлыкание.

– Мама! Что ты наделала! – тряслась Марина. – В пакете были деньги, все наши доллары на машину!

– Ой, ё! – рухнула на стул теща.

Но долго Маме Вере сидеть не пришлось. Гриша схватил ее за руку и потащил на выход. Следом бежала и причитала

Марина.

Контейнеры для мусора представляли собой большие металлические кузова, как у грузовиков. Всего контейнеров было три, в них бросали отходы жители нескольких домов.

– Куда? – тряханул Гриша тещу. – В какой ты бросила?

– В этот, – показала она. – Или в этот? Может, в тот! Ой, я не помню! Ой, горе какое!

Гриша подпрыгнул, схватился за борт контейнера, подтянулся и перевалился внутрь. Приземлился на мягкую, отвратительно пахнущую массу.

Ночь была темной, хоть глаз выколи. Ни луны, ни звезд. Двор у мусорки не освещался. Гриша пытался при помощи огонька от зажигалки рассмотреть содержимое контейнера.

– Какого цвета был пакет? – донесся его глухой голос.

– Что? – хором спросили жена и теща.

– Спрашиваю: какой пакет с нашим мусором?

– Черный, – ответила теща, – или белый, как из магазина.

Ой, не помню!

От страха у нее отшибло память. Но и Марина не могла вспомнить, какой утром был пакет в мусорном ведре.

Гриша вылез из контейнера и побежал к дому. Мама Вера и Марина за ним.

В квартире Гриша принялся лихорадочно рыться в кладовке, сбрасывая на пол вещи с полок.

– Что ты ищешь? – робко спросила Марина.

– Фонарик. Куда он делся?

– Мы его на дачу отвезли, – вспомнила теща.

– Фу, Гриша, – сморщилась жена, – от тебя так пахнет!

– Отвезли? Пахнет?! – развернулся Гриша.

И тут он взорвался. Кричал во весь голос и страшно матерился. И при этом почему-то не тещу проклинал, а свою загубленную судьбу. Пятнадцать лет объедки свиньям на дачу возил, горбатился на грядках, травился первачом, копейки считал, с ребятами пива выпить – ни-ни, в парикмахерской ни разу не был, Маринка стригла, в кино последний раз ходил... когда? Я вас спрашиваю, когда? До свадьбы! У него галстук один единственный. В котором женился. Ради чего? Такая-растакая его несчастная жизнь.

Проснулись и прибежали испуганные дети.

– Мама, что с папой? Бабушка?

Бабушка как ненормальная раскачивалась из стороны в сторону и твердила:

– Лучше бы я умерла! Лучше бы я умерла!

– Она деньги на папин «Мерседес» нечаянно на помойку выбросила, – пояснила мама. – Гриша, не ругайся при детях! Я тебе куплю галстук.

Он запнулся. Не потому, что внял просьбе жены, а потому, что ему пришла в голову страшная мысль: вдруг контейнеры ночью увезут?

Рванул с вешалки куртку и выскочил за дверь.

Он сторожил контейнеры до утра. Марина тоже не спала, выходила к мужу. Вынесла ему табуретку, потом горячего

чаю. В пять утра взяла вторую табуретку и присоединилась к мужу. Они не разговаривали, сидели тесно, Марина прижималась к Грише: боялась крыс, в контейнерах что-то возилось и шелестело. Незаметно задремали. Очнулись, когда рассвет забрезжил.

Гриша велел всех привести: тещу, детей. Пусть наденут что похуже и возьмут ножи.

Когда явились заспанные дети, убитая горем Мама Вера, Марина в драном стареньком пальтишке, объяснил задание:

– В первом контейнере работают Светка и Вовка. Во втором – Маринка и теща. Третий – за мной. Вскрывать ножами мешки, искать молочный пакет синего цвета. Или мы его найдем, или...

Что будет, если не найдут, Гриша даже придумать не мог. Заставил тещу стать на табуретку, уцепиться за край контейнера, обхватил ее ноги, поднял и отправил в мусор. Тем же способом перекинул жену.

Вовка сам забрался. А Светка заныла:

– Мне в школу надо.

– Школа отменяется! Полезай, ищи!

– Там плохо пахнет! И перчаток нет. А если меня кто-нибудь из друзей увидит?

Гриша показал кулак и коротко сказал:

– Убью!

Светка полезла в контейнер.

Дочь ныла и потом. То ее тошнит, то мутит, то ей дурно,

то в туалет хочется, то нос чешется, а руки грязные. А кому приятно в чужих отбросах ковыряться? Гриша отвечал дочери тем же лаконичным: «Убью!» Но всем было понятно, что первый кандидат на смертный приговор – бабушка, Мама Вера.

Она очень хотела загладить вину, найти доллары, работала быстро и тщательно. Драла пакеты, перебирала мусор и приговаривала под нос:

– Бутылка, газеты, очистки картофельные, макароны, консервные банки, кофту выкинули, почти новую...

Вовка тоже периодически обнаруживал стоящие вещи:

– О, часы! Хорошие. Можно, я возьму?

– Нет, сыночек, – выглядывала из своего контейнера Марина. – Вдруг они заразные.

– Да тут кругом зараза! – кривилась Света. – Сплошные вирусы и бактерии. Я заболею, у меня уже все чешется. Фи, гадость! Тухлая рыба.

– Убью! – привычно рычал Гриша. – Хватит болтать! Ищите, работайте.

Стали выходить из подъездов первые люди. Брезгливо косились на копошащихся в мусоре. Не узнавали Гришину семью, и на том спасибо. Кто-то с отвращением сказал:

– Развелось бомжей!

Настоящие бомжи тоже появились, но первой, около семи утра, к ним подошла дворничиха. Она сразу поняла, в чем дело:

– Что выкинули?

Ей не ответили. Стыдно в глупости признаваться: пятнадцать тысяч баксов на помойку отправили.

– Никита из шестьдесят первой квартиры, – не дождав-шись ответа, продолжила дворничиха, – тоже недавно пульнул. Мешок выбрасывал, а у него в руке ключи от машины были. Так я нашла. За пятьсот рублей.

Намек был прозрачен, но не воспринят. Своими силами обойдемся.

Гриша скрипнул зубами. У Никиты из шестьдесят первой квартиры «Ниссан Максима». А его, Гришин, «мерс» накрылся? Костя уже на подъезде к городу, наверное. Счастье так близко... в этих зловонных гудах.

– Вы аккуратнее! – потребовала разочарованная дворничиха. – Из контейнеров не сыпьте, я за вами убирать необязанная.

Она не ушла, а, опершись на метлу, стояла и ждала, чем закончатся поиски. Вскоре к ней присоединились бомжи – две женщины и мужчина, опухшие, испытые, грязные. Самое обидное, они приняли Гришину семью за себе подобное отрепье.

– Конкуренты! – возмутилась одна из женщин. – Наша территория!

– Они не бутылки собирают, – успокоила дворничиха. – Это жильцы из третьего подъезда. Выкинули нечаянно что-то, теперь ищут.

Низшая каста – бомжи – обрадовались, что дворничиха снизошла до общения, и принялись вспоминать, как находили в мусоре ценные вещи. Однажды серебряные подстаканники отрыли. Люди выбросили, наверно, думали – нержавейка. Но один из бомжей в прошлом ювелиром был. И золото попадалось – коронки зубные в спичечном коробке.

К группе зрителей присоединились бродячие собаки. Бомжи обычно им кидали из контейнеров объедки. Псы преданно смотрели на кормильцев и покорно ждали завтрак.

Было несколько ложных тревог, когда кто-то находил пустой молочный пакет. Гриша подскакивал, услышав Вовкино «Есть!», или тещино «Батюшки, нашла!», или Светкино «Этот, что ли?». Но пакеты были чужие и соответственно пустые. Гриша скрипел зубами. У него уже челюсть ломило, в крошки зубы перетрет.

Марине казалось, что это никогда не кончится. Она не ощущала мерзкого запаха, не видела грязи, потому что льющиеся и не вытираемые слезы застилали глаза. Она механически резала пакеты, копалась в отходах, уже не проклиная судьбу, которая забросила ее на дно жизни.

Мама Вера то просила Господа помочь и заступиться, то перечисляла трофеи: проволока, чулки, батарейки, мясорубка, свекла гнилая... Боялась пропустить пакет, точно он живой и мог удрать, если вовремя не захватить.

Света работала, присев на корточки, чтобы ее не увидели, и тихо скулила. И только Вовка разбирал мусор с азартом.

Дурной запах и склизкие массы его не смущали. Но сколько полезного люди выбрасывают! Вот дураки!

Их мусорный мешок откопал Гриша. Сердце остановилось, когда, рванув пленку, узнал свои старые комнатные тапки. Содержимое мешка Гриша запомнил надолго, потому что боялся поверить в удачу. После родных тапок (чего выбросили, он бы еще поносил) полезли фантики от жвачек и конфет (за раз столько слопали, транжиры?!), выдранные из дневника страницы с красными двойками (Вовкина работа?), пустой флакон от одеколона (точно его, жена на двадцать третье февраля дарила), мятая коробочка от соли, треснутая пластмассовая банка, в которой крупу хранили (он бы склеил), заварной чайник с отбитым носом (теща удружила, кокнула и втихую выбросила)...

И наконец – ОН! Родной, миленький, заветный, дорогой, ненаглядный – молочный синий пакет!

Гриша прижал его к груди и плюхнулся на отработанный мусор. Приземлился на что-то острое. Наверное, сломанная ножовка, встречалась несколько минут назад. Но боли он не почувствовал. Раздирал дрожащими пальцами, открывал пакет, заклеенный на совесть. Рванул зубами. Есть! Вот они, кровиночки, лежат в маленьком прозрачном пакетике. Гриша его гладил, проводил ладонью по пластику, за которым маячила равнодушная физиономия американского президента. Доллары! Мои доллары!

Здесь, в мусорном баке, среди гниющих отбросов, в окружении хлама и дряни он испытал такой острый приступ счастья и благодати, которого не переживал никогда. Втягивал носом слезы, гладил пакетик, поднес его к губам и поцеловал. На губах осталась неприятная влага. Врешь! Деньги не пахнут!

В его жизни ничего не прибавилось и не убавилось. Как имел вчера пятнадцать тысяч зеленых, так и имеет. Но эти «ничего» разделяли пропасть жуткого отчаяния и потрясающий взлет радости.

Он затолкал деньги за пазуху. Поднялся и весело скомандовал:

– Отбой! Операция «Помойка» закончена.

К бортам своих контейнеров подскочили жена, теща и дети.

– Гриша, ты нашел? – еще не верила их счастьем Марина.

– А то! – гордо ответил он и выбрался из бака.

Светка пулей помчалась домой. Перевалился через край Вовка. Его карманы подозрительно оттопыривались.

– Че отыскали-то? – спросила дворничиха, досадующая из-за того, что так ничего и не узнала.

– Че надо, то и отыскали. – Гриша помог выбраться жене.

Лицо Марины было мокрым, слезы текли и текли. В волосы набилась какие-то ошметки, пальто изгваздано, руки в серо-буро-малиновой слизи.

Гриша не отличался умением проявлять нежности и лас-

ку. Но тут обнял жену, поцеловал в висок:

– Не плачь, любимая! Все у нас будет хорошо. Пойдем домой.

Марина кивнула, но заплакала сильнее, теперь уже радостно и благостно.

– Гришенька, а я? – напомнила о себе теща. – Вытащи меня.

Была видна только ее голова, подбородок приходился точно на верхний край контейнера.

Гриша отстранил жену, упер руки в боки:

– А ты, Мама Вера, посиди там! Самое твое место, заслужила. Скоро машины мусорные придут, прокатят до свалки. Чтобы знала, как из меня козла помоечного делать.

Теща восприняла угрозу серьезно. Заметалась, забегала вдоль борта. Проваливалась, голова ее то исчезала, то появлялась.

– Да как же?.. Да что же!.. Ирод! Забери меня отсюда. Люди! Спасайте!

Бомжи и дворничиха подошли ближе, следом подтянулись собаки. Представление продолжалось.

– Гриша! Я больше не буду! – молила теща. – А-а-а! Заберите меня отсюда! Дочка!

– Перестань, – попросила Марина, – вытащи маму, народ смотрит.

– И не подумаю, – куражился Гриша.

– Зятек, родненький! Да где же это видано! Не желаю! За

все хорошее!

– Какое хорошее? Я из-за тебя чуть не рехнулся.

– Черт попутал, прости! Все деньги тебе отдам, на похороны копила.

– О! – воскликнул Гриша. – Раскололась. Я тебе говорил, Маринка, что у нее припасено. Сколько заныкала?

– Две семьсот, – призналась Мама Вера, – в рублях.

– Еще посидишь, сумма увеличится.

– Нету больше у меня. Только два червонца золотых под бочкой в погребе.

– Ставки растут. Миллионерша, едрена вошь! Сколько лет молчала.

– Чистое кино, – сказала дворничиха.

– Гриша, прекрати! – дергала его за рукав жена, у которой просохли слезы.

– Папа! – хныкал Вовка. – Достань бабушку!

– Милиция! – вопила сама бабушка.

И милиция появилась. К ним подошел участковый.

– Что здесь происходит? Привет, Гриша! – он протянул руку.

Гриша свою отвел в сторону:

– Здорово, Витек! Прости, измажу! Вот, решил тещу на свалку отправить. Достала.

Витек усмехнулся не без одобрения. Но тут же сделал строгое официальное лицо:

– Не хулиганить! Выпил?

– Как стеклышко, – помотал головой Гриша.

– Ты сегодня машину получаешь?

– Сегодня! – широко и счастливо улыбнулся Гриша.

– С тебя причитается. А тещу верни на землю.

– Спасибо, товарищ милиционер! Большое спасибо! Дай

Бог вам здоровья, и деткам, и жене! – благодарила Мама Вера участкового.

Выглядела она неимоверно потешно. В самом деле думала, будто зять оставит ее в мусорнике. Считала, что заслужила.

Все рассмеялись, даже Марина улыбнулась.

А вызволить Маму Веру оказалось делом не простым. Гриша, стоя на табуретке, тянул ее, тянул, но нешуточные габариты тещи не поддавались. Пришлось отправить в контейнер бомжа, чтобы снизу подталкивал.

Они пришли домой, когда Света еще плескалась в ванной.

– Освобождай помещение! – затарабанил в дверь Гриша. –

Больно чистая будешь, когда мы тут все по уши в навозе.

Марина отвела мужа в сторону:

– Гриша, покажи доллары! Дай удостовериться.

– Смотри, – он вытащил из-за пазухи пакетик.

– Господи! – вздохнула Марина. – Бумажки, а сколько ли-

ха!

Вечером у них гуляли, обмывали «Мерседес». Дилер Костя, как свадебный генерал, сидел на почетном месте. Гриша

на радостях принял лишнего, твердил, что деньги на помойке нашел. Все думали – шутит. На кровать Гришу отнесли друзья. Засыпал он счастливым. И грезилось ему сладостное обладание мечтой. Мечта цвета «мокрый асфальт» стояла во дворе.

Жена наварха

Олина мама говорила:

– Современные мужчины научились носить пальто.

– А в твоё время не умели? – спрашивала Оля.

– Нет. Они одевались в куртки и полупальто.

Олин муж Самин как раз относился к тем, кто носил пальто с аристократической небрежностью. Когда он шел по улице в расстегнутом пальто, белый шарф развевался, полы трепетали, или выходил из машины, из дверей офиса, из магазина, груженный пакетами, Олино сердце сладко замирало. Самин был похож на кавалериста, белогвардейца, Онегина и Байрона, вместе взятых. И при этом оставался стильным, модным и чертовски мужественным.

Оля любила мужа глубоко, прочно, навсегда. Но к её гордости за мужа примешивалось самодовольство собственницы. «У меня красивый, статный муж, у меня большая квартира и хорошая машина, умный здоровый сын, очень рослый для своих пяти лет, все спрашивают, в каком классе учится. Сын обязательно повторит отца, будет такой же добрый великан».

Мужа все звали по фамилии – Самин, она ему шла. А имя Петя, Петр Александрович, казалось лишним при такой емкой и упругой фамилии.

Ольга поясняла: их фамилия от греческого имени Самий,

так звали спартанского наварха. Наварх – это командующий флотом, вроде адмирала. Должность в Спарте была выборной и очень почетной, едва ли не царской. Есть ли в роду у мужа греческая кровь? Неизвестно, преданий на этот счет не сохранилось. И Оля загадочно улыбалась: одного взгляда на Самину достаточно, чтобы понять – вот спартанец из спартанцев, настоящий наварх!

В теплых лучах их счастливой семьи грелись две молодые бабушки – мамы Оли и Самина. Отцов не было, умерли. Бабушки ревновали внука, отыскивая в румянном и бойком мальчишке изъяны после визита к «другой бабушке». Тихо доносили: одна своему сыну, другая – дочери. Самин и Оля посмеивались, понимая, что в бочке меда – в безграничном обожании единственного внука – должна присутствовать ложка дегтя, иначе бочку просто разнесет.

Оля преподавала в музыкальном училище нотную грамоту. Самин трудился в нефтегазовой корпорации. Их семейные проблемы относились к процессу повышения благосостояния. Надо построить загородный дом, вложить деньги в акции, поменять ванну на джакузи, поехать в отпуск на Бали, найти сыну преподавателя английского... Столько хлопот!

И вдруг все рухнуло. Разорвалась нейтронная бомба, которая уничтожает живое. Дом, мебель, тряпки остаются, а люди гибнут. Оля узнала об измене мужа. Действие бомбы было не смертельным, по касательной ударила. Оля осталась жива, но душевно покалечена до инвалидности.

Самин пришел домой, обнаружил Олю, серую и полуубитую, сидит в кресле, взгляд в одну точку.

Он присел перед женой, взволнованно спросил:

– Оленька, что случилось? Сын, мама, теща? Кто-то заболел?

Она не отвечала, продолжала смотреть сквозь него, точно голова Самина была стеклянной.

– Да говори же! – Он потряс ее коленки. – Что произошло?

Оля не повернула головы, но теперь она смотрела в глаза мужа, с трудом фокусируя взгляд как при тяжелой боли.

– Ты нас бросишь?

– Зачем? Почему? Откуда такие мысли? – поразился Самин.

– Ты любишь другую женщину, ты с ней... Я все знаю.

Самин едва не застонал от досады. Или, кажется, застонал, промычал сквозь стиснутые зубы. Покраснел выразительно. Будь он готов к этому разговору, решительно бы открестился: враки, сплетни, наветы! А сейчас реакция выдала его с головой.

Он сел в соседнее кресло, взял холодные Олины руки:

– Я вас никогда не брошу! Я люблю тебя и только тебя. Ты моя жена, ты и сын – самое лучшее, что есть в моей жизни. Прости! Это была ошибка, я оступился. Никогда более не повторится. Клянусь! Чем ты хочешь, чтобы я поклялся?

Оля не отвечала. Снова ушла в себя, присутствовала и отсутствовала одновременно. Самое плохое – не плакала, не

рыдала, не упрекала, не проклинала.

И в следующие дни не плакала. Слезы лились внутри, только соль выступала на коже, которая приобрела каменный оттенок. Была гордая жена наварха, стала жена Лота – соляная глыба, умеющая передвигаться, односложно отвечать и выполнять домашнюю работу. Олины волосы потускнели, появилась сутулость, вместо летящей походки – шарканье пудовых ног.

В доме померк свет – обстановка кладбища, погребения, безутешной потери и бесконечного горя. Даже сын, которого они называли вечным аккумулятором хорошего настроения, не мог развеять Олиной печали. Прежде она залиvisto хохотала над проделками и словечками наследника, хватала его на руки, кружила, осыпала поцелуями. Теперь – слабо улыбалась, прижимала к себе, целовала в макушку. Как сиротку.

Самин остро переживал случившееся. Он чувствовал себя скотиной, предателем, убийцей. Служебный романчик, необременительный и шальной, закончился в одночасье, и воспоминания о нем вызывали гнилостную отрыжку. Самин не знал, что делать, какие покаяния могут вернуть Олю к нормальной жизни. Пытался в постели утрированной нежностью растопить ледяной панцирь жены. Не получилось. Ольга не противилась, не отталкивала его с отвращением. Еще больше каменела, явно переживая то, что наступает после отвращения, – беспомощный ужас. Самин разжимал объятия. Он не был насильником. Дураком, сволочью, молодым

сильным мужчиной, реагирующим на красивых женщин, но не насильником собственной любимой жены.

Прошло три похоронные недели. Как три десятилетия заточения в мрачном подземелье.

Обе мамы, конечно, заметили, что творится с Олей. Но на расспросы Ольга не отвечала, резкое падение градуса счастья не объясняла. Отдельвалась скупыми просьбами не беспокоиться. Единственным человеком, с которым Оля делилась своей бедой, была подруга Тина. О ней речь впереди.

Мама Самина и его теща активно обсуждали перемену Оли. Нашли объяснение, отработали общую версию. Оленька беременна, Самин не хочет второго ребенка. Версия казалась безошибочной: на Оле лица нет, Самин вокруг нее кружит, заискивает, лебезит и пресмыкается.

В выходной день, когда Оля с сыном ушли в театр на детский спектакль, обе мамы заявили для беседы с Саминим.

Отказались от чая, уселись в гостиной на диване. Лица строгие, с печатью ответственности возложенного долга, как члены суда присяжных.

– Петя! Нам все известно, – сказала мама.

«Дьявол! – Он мысленно чертыхнулся. – Только этого не хватало! Сейчас начнут полоскать мой моральный облик, песочить и прорабатывать».

Но дальнейшие речи мамы и тещи вызвали у него недоумение.

– Ты, сынок, – продолжала мама, – не прав...

– Еще не поздно? – нервно встряла теща. – Оленька еще не сделала аборт?

Самин неопределенно промычал.

От него и не требовали ответов. Теща и мама, перебивая друг друга, выпаливали свою версию и подготовленное решение проблемы. Самин переводил взгляд с одной на другую и следил только за тем, чтобы его физиономия не выражала удивления. Пусть несут.

– Мы поможем с воспитанием второго ребенка.

– Я могу уйти с работы.

– Мой сын в состоянии нанять няню к малышу.

– Ребенок важнее джакузи и отпуска на Бали.

– Вместо шикарного загородного дома можно купить скромную дачу с удобствами.

– Ты, Петя, никогда не был эгоистом.

– Ты должен понимать глубину Олиного страдания! И не подталкивать ее к детоубийству.

– Все-таки детей лучше заводить в молодые годы.

– И двое детей – это прекрасно.

– Маленьким ты просил о братике, но мы с папой не могли себе позволить.

– Оля тоже просила, мечтала о сестричке. Не получилось, к сожалению, по медицинским причинам. Мы бы не посмотрели на скромные бытовые условия.

– Я не про условия, а про то, что муж тяжело болел.

– Не будем отвлекаться. Самин, мы вам не чужие, и наше мнение должно учитываться.

– Мы не лезем в ваши дела, но хотим, чтобы ты знал: мы против аборта! Пусть Оленька рождает.

До Самина дошло, что ему инкриминируют. Разубеждать их? Мило! Дорогие мама и теща! Никаких абортотв не предвидится. Просто я изменил жене, на сторону сходил, поэтому Оля в затяжной депрессии. Ага! Дальше они вытаращат глаза, заохают, заохают и начнут перемывать мне кости в хлорном растворе. Спасибо, не надо! Оставайтесь при своих заблуждениях. Мои действия? Изобразить процесс перемены мнения. Как будто они меня подвигли на одобрение их решения. Так случается на переговорах с партнерами. Ты заранее скалькулировал выгоды, готов принять условия, но делаешь вид, что поддался их логике, уступил. Партнеры довольны, считают, что переиграли, а сами следуют твоему сценарию.

Самин легко справился с ролью. Продемонстрировал раскаяние, заверил, что поступит так, как хочет Оля. Но ему еще сорок минут пришлось терпеть возбужденные речи о новом ребенке, которые лились из мамы и тещи. Теперь им и чаю захотелось. Сидели на кухне, угощались и рассуждали об имени мальчику или девочке, строили планы на лето, когда по их подсчетам нужно ждать прибавления.

Терпение Самина было на исходе. Он сослался на срочную работу, которую взял на дом. Мол, вы еще тут посидите, а мне срочно к компьютеру. Надо отдать должное бабушкам,

они не задержались, довольные и благостные, отбыли.

Только захлопнулась за ними дверь, как раздался звонок телефона.

Подруга Оли Тина. Не оставляя ему вариантов, заявила:

– Ты один, я знаю. Мы должны поговорить. Буду через десять минут.

Самин Тину не переносил. Физически. Не мог видеть и слышать. У Тины был высокий пронзительный голос. Возможно, барабанные перепонки Самина особо устроены, но страдали они от визгливого голоса Тины отчаянно. Будто ему в уши иголками стреляют. Через пять минут общения Самину хотелось бежать, заткнуть уши пальцами и трясти головой, пока не пройдет мелкое вьедливое дребезжание резонанса. И еще у Тины был отвратительный рот. Слегка нависающая верхняя челюсть, как у кролика. Когда Тина ела, казалось, она мелко-мелко пережевывает пищу передними зубами. От вида жующей Тины Самина мутило.

Он терпел Тину (в малых количествах на днях рождения и прочих редких праздниках) ради жены. Оля и Тина дружили с детства, были как сестры.

Акустический террор начался с первых минут прихода Тины. Она здоровалась, переобувалась в тапочки, говорила о погоде, а у Самина в ушах жужжали ядовитые пчелы.

Тина опустилась на диван, на котором недавно сидели бабушки. Вид имела не присяжного заседателя, а судьи или прокурора, который право имеет тащить на свет и трясти

грязным бельем Самина.

На столе стояла ваза с орехами и сухофруктами. Цепкой лапкой Тина брала орешки или курагу, отправляла в рот, мелко хрумкала заячьими зубками. Самин смотрел в сторону, чтобы не видеть ее кроличьего жевания.

В отличие от бабушек Тина знала причину Олиной депрессии. И считала себя вправе говорить Самину о его неблагородстве, подлости и предательстве, Самин терпел и слушал. Про то, что он оскорбил жену в лучших чувствах, надругался над святым, про травму, которую нанес Оле и от которой теперь не оправиться...

Тина была последним человеком, которому Самин заявил бы: все это бред, чушь и фрейдовщина! Я не предал, а оступился; не убил, а нечаянно поранил; поддался глупому (и естественному, хоть вы меня режьте!) порыву и сейчас крайне сожалею. Да, я был не прав. Но я тоже страдаю, раскаиваюсь и мучаюсь. Сколько мне нужно страдать? Месяц, год? Всю жизнь коту под хвост отправить? Наказание должно соответствовать вине. Пусть Ольга объявит приговор и не терзает меня ежедневной пыткой. Даже военные преступники, разбойники, душегубы и всякая другая сволочь удостоиваются снисхождения, амнистии и замены расстрела на тюремное заключение. А если всех мужиков, уличенных в прелюбодеянии, казнить, то на земле останутся одни бабы.

Ничего этого говорить Тине было нельзя. Она бросилась бы в спор, в дискуссию, начала отстаивать свою женскую точ-

ку зрения, идеалистическую, книжную, наивную и попросту глупую. Привела бы в пример собственного мужа Андрея, безвольного алкоголика. Да если бы Самину приставили нож к горлу и заставили жениться на Тине, он бы запил не тихо, а по-черному. Пора было прекращать нравоучения незваной доброхотки.

– Чего ты хочешь? – спросил Самин. – Что предлагаешь?

Сверление в ушах достигло болевого порога. Пчелы прогрызли перепонки и устремились в мозг. Тинин рот хлопал и хлопал, зубки стучали и стучали, губки змеисто кривились. Самин боролся с тошнотой.

– Мы должны вместе подумать над тем, как помочь Оле, как вывести ее из этого состояния.

– Твои варианты? Спрашивала об этом Ольгу? – Самин замер в надежде услышать полезную информацию.

– Спрашивала. Она не знает. Оля очень тебя любит, любила. А сейчас, мне кажется, у нее идет процесс разъедания этой любви. Как ржавчина разъедает железо...

Вот это совершенно не Тинино дело! Пришла сюда пилить его. Сама она пила ржавая! Бормашина визгливая!

– Помолчи! – сморщившись, перебил Самин. – Значит, конкретных предложений у тебя нет? Реальных выходов не имеется? Я правильно понял? В таком случае, Тина, извини, но тебя это не касается. Спасибо, что заглянула.

Самин встал, неделикатно намекая гостье, чтобы выметалась.

– Как не касается? – оскорбилась Тина. – Мне Оля ближе, чем родная сестра! Да я первой узнала о твоей измене и рассказала Оле. Моя знакомая работает в твоей компании...

Больше Самин ничего не слышал. У Самина случилось дикое. Пчелы в голове образовали рой и ринулись наружу. Мозг Самина утратил способность соображать, отбросил все культурные напластования, взорвался ненавистью. Самин видел перед собой врага, и этого врага следовало уничтожить. Самин не владел своими эмоциями и не контролировал действия...

Он схватил вазу с орехами и сухофруктами и шандарахнул Тину по голове...

На его счастье, ваза была не тяжелой, хрустальной, а тонкостенной, из стекла-паутинки. Иначе он Тину прибил бы до смерти...

А так – обошлось. Тина даже сотрясения мозга не получила. Сидела, перепуганная, обсыпанная стеклом, арахисом и черносливом. Таращила глаза и бормотала:

– С ума сошел?.. С ума сошел?..

Самин орал. Очень невоспитанно. Обзывал Тину последними словами, припомнил ее голос и челюсти – все в обрамлении эпитетов, каких Тина в жизни не слышала.

Это был дикий зверь, взбесившееся животное, первобытное существо в крайней степени ярости. Тина уже не думала

о подруге, мечтала ноги унести поскорее. И Самин потребовал того же: велел проваливать, иначе он... Какой ужас! Поменяет ей местами гениталии и пасть!

А столько лет прикидывался воспитанным и галантным человеком!

Напоследок, когда Тина уже в дверях была, Самин посоветовал ей взять фамилию Болотная. Тина болотная – вот кто она есть на самом деле.

Оля отвезла сына к маме (которая на что-то радостно и туманно намекала) и вернулась домой. Самин заканчивал убирать мусор, прохаживался пылесосом по дивану и ковру.

– Осторожно, – предупредил он, – не наступай, здесь стекло.

Выключил пылесос и ответил на безмолвный вопрос Оли:
– Ваза разбилась... О голову твоей подруги Тины, не ночью будет помянута.

– Что-о?!

– Давай хлопнем по рюмке коньяка? Мне требуется в лечебных целях.

Оля отказалась, а Самин налил себе, выпил, крикнул от удовольствия:

– Не спиться ли мне? Имею повод – жена не прощает. Оленька, ты меня станешь вырывать из лап зеленого змия?

– Перестать паясничать. Что здесь произошло?

– Рассказываю. Сначала пришли мама и теща, с идеей...

Оля, ты беременна?

– Нет, – удивилась Оля.

– Ага. Но я заранее объявляю – на второго, третьего, четвертого ребенка согласен. Но пять – уже перебор, тебе не кажется?

Оля дернула досадливо головой.

– Продолжаю. Мамашки заподозрили меня в покушении на избавление от ребенка. Несуществующего в проекте! Мол, я подбиваю тебя на аборт.

– Что за бред!

– Я его стоически выдержал. Успокоил бабушек, чаем напоил, выслушал про варианты возможных имен для мальчишка или девочки.

– При чем здесь Тина?

– Она следом явилась. Еще выпью. Не хочешь? Ну, за твое здоровье! Итак, явилась эта... как бы культурнее сказать... мымра болотная.

– Самин!

– Прости! Я знаю, что ты ее любишь. Но я то не переношу! Голос, морда кроличья...

– Самин!

– Еще раз прости! Ничего не могу с собой поделать, отвлечение биологическое, на клеточном уровне. Но я терпел! Долго, минут тридцать ее словесный понос терпел. А потом – бац! Взрыв в башке, ничего не помню. Гляжу – она вся в сухофруктах. Это я ее по голове вазой огрел.

– Самин, ты с ума сошел? – впервые за последнее время Оля проявляла какие-то эмоции.

– Не без того. Аффект. Смягчающее обстоятельство, суд должен учесть.

– Какой суд? – взволновалась Оля. – Ты ее покалечил? «Скорая» увезла?

– На собственных ногах убралась, падла! Крови не было, думаю, шишкой отделалась.

– Налей.

– Что?

– Налей мне коньяк.

– Вот это правильно, это по-нашему. Закуску – лимон, конфетку – принести?

– Обойдусь.

Жена выпила, закашлялась, выступили слезы. Самин протянул носовой платок.

– Я все-таки не понимаю, – сказала Оля, отдышавшись. – За что ты побил Тину?

– Не побил, а проучил. Заслужила. Как хочешь относишься, но я нисколько не жалею.

– У тебя как с головой?

– Плохо. Мне, Оленька, очень плохо из-за того, что ты меня не прощаешь. Это не жизнь! Это командировка в ад! Что мне сделать? Хочешь, кастрируюсь? Предварительно сдам стратегические запасы спермы на случай искусственного зачатия тобою моих детей и кастрируюсь.

– Ты пьян!

– Я трезв и очень несчастен.

Зазвонил телефон. Оля сняла трубку. Это была Тина.

– Оля! Ты знаешь, что случилось? – истерически восклицала подруга. – Он тебе сказал?

– Сказал.

Оля показала мужу на дверь: выйди, не хочу при тебе говорить. Самин подчинился.

– Он меня чуть не убил! – продолжала бушевать подруга. – Он больной! Психопат! Он опасен. Оля, разводишься с ним немедленно!

– Это я сама решу.

– Ты его не видела! Мы его совершенно не знали! А как ругался! Ужас!

Самин подслушивал и подсматривал. Жена округлила глаза: Самин такое сказал? Что куда тебе засунуть? О боже! С чем тебя смешать? Кошмар! Он не мог подобное произнести! И еще это? И это? Как-как? Чудовищно!

Но Самин видел: жена сдерживает улыбку. Парадоксально! Думал, окончательно его за презирает, выгонит, сама уйдет, подаст на развод, лишит сына. А Ольга потешается. Ледяной панцирь треснул, тает. Почти прежняя супруга.

Извиняется за него перед подругой, утешает, обещает, что Самин будет на коленях перед Тиной просить прощения. (Вот уж дудки!) Но когда Тина, очевидно, призывала немед-

ленно выбросить Самина на помойку, Оля продемонстрировала твердость: сами разберемся, наше дело, пожалуйста, не вмешивайся, спасибо за совет, но я поступлю как сочту нужным.

– Андрей хочет поговорить с Саминим? – спросила Оля.

Самин вышел из-за двери. Оля с явной неохотой, нахмурившись, протянула ему трубку.

– Ты охренел? – спросил пьяненький, но не агрессивный Андрей.

– Старик! Ты вправе вызвать меня на дуэль, набить морду – (Это еще кто кому!) – свернуть шею и поломать конечности. Бес попутал. Извини!

«В последнее время, – подумал Самин, – я прошу прощения каждые десять минут. Войдет в привычку, прослышу придурком».

– Так, ты типа раскаиваешься? – уточнил Андрей.

– Безмерно! Глубоко! Бесконечно!

«Готов оплатить твоей жене операцию на голосовых связках и исправление прикуса», – хотел добавить Самин, но, естественно, не добавил.

– Тина, он раскаивается, – сообщил Андрей жене, которая наверняка рядом ошивалась.

Самин слышал пронзительные и частые вибрации Тининового голоса. Она что-то требовала от мужа.

– А что ему скажу? – спросил Андрей, обращаясь явно не к Самину.

И тот услышал новые визгливые переливы.

– Андрюха! – позвал Самин. – Мы с тобой поняли друг друга?

– Вроде.

– Бывай здоров! – отключился Самин.

Вечером они легли в постель, как в последнее время во-
дилось – каждый на своей стороне кровати. Метр нейтраль-
ной полосы. Выключили свет. Через несколько минут Самин
спросил:

– Оля, не спишь? О чем ты думаешь?

– Почему ты ничего не делаешь?

– А что я должен делать? Объясни мне, наконец!

– Самин! У тебя точно проблемы с головой!

Сватовство

Сергей Фролов, инженер звукозаписи, сотрудник популярной радиостанции, двадцати восьми лет, неженатый, обладатель приятной наружности и спортивной фигуры, любитель дорогой одежды и красивых девушек, проснулся в понедельник около двенадцати дня. У Сергея был выходной. Радиостанция вещала ежедневно, и выходные у сотрудников попадали на разные дни недели – в зависимости от воли начальства и его, начальства, к тебе отношения. Сергей в любимчиках не числился, поэтому нередко отдыхал по понедельникам. А он не в претензии! Расслабиться, когда народ после вчерашнего напрягает мускульные и интеллектуальные силы, – в этом был свой кайф.

Разбудил Сергея звонок в дверь. Разбудил, но не взбесил. Полдень – время, когда можно подниматься, выспался за всю предшествующую суматошную неделю, отдохнул. Звонок не удивил. Это могли быть мама или бабушка, обе пенсионерки. Отселив сына-внука в бабушкину однокомнатную квартиру, они надеялись, что Сергей наконец остепенится, женится и начнет плодиться. Сейчас будут приноховиваться, искать девичье присутствие. «Извините, любимые, сегодня ночевал один», – ухмыльнулся Сергей.

Когда бабушка или мама заставляли у него девушку (обескураженную, появившуюся, например, из ванной и оберну-

тую полотенцем), у них на лице появлялось выражение рыбака, вытащившего долгожданную рыбу, но еще не уверенного – съедобен ли улов. Девушке давали возможность одеться, усаживали за стол на кухне, кормили, поили чаем. Тонко, как им казалось, а на самом деле откровенно пристрастно, допрашивали об отношениях с Сереженькой, о ее семье, образовании, родителях, наследственных заболеваниях и прочих материях, выкладывать которые девушка вовсе не готовилась, согласившись вчера на романтический ужин с Сергеем. Ужин, конечно, предполагал продолжение, но никак не связанное с допросом его бабушки или мамы. Девушки имели бледный вид, плохой аппетит (мнение бабушки: чтобы родить здорового ребенка, надо хорошо питаться) и путались в ответах.

Те же, кто быстро и лихорадочно давились яичницей, обладали высшим образованием, не были отягощены плохой наследственностью, отвечали внятно и в целом производили благоприятное впечатление, достаивались второго акта. Он представлял агитацию за Сереженьку – лучшего из лучших кандидата в женихи. Его биография, по сути примитивная и скупая, обрастала массой трогательных и восхитительных деталей, которым мог бы позавидовать любой гений. Сереженьке отроду был годик, когда он знал названия всех животных. «Зя» – это был заяц, «ми» – мишка, «ли» – лиса, «во» – волк, и почему-то рвотное «бр-р-р» в отношении удава. Но какой нормальный человек любит змей? И далее Се-

реженька демонстрировал потрясающие способности. Абсолютный слух – бабушка ему пела колыбельные, и когда слегка фальшивила, он плакал. Конечно, у Сереженьки позади музыкальная школа (по классу баяна, пианино мы себе не могли позволить по жилищным и материальным условиям), и художественная (тут не будем преувеличивать его талантов, но Мандильяки, вы знаете, мастер новой волны в акварели, говорил, что при усердии Сереженька мог бы достигнуть совершенства в детализовке), и спорт мы не пропустили. Имеется юношеский разряд по гимнастике. Отличный вид спорта, равномерно развивает мускулатуру, координацию, гармоничность движений. Сереженька обожал гимнастику! (О том, что более всего его привлекали девчонки из художественной секции, занимавшиеся в другой части зала, умалчивали).

Особо приглянувшимся утренним девушкам демонстрировали фото, хранившиеся в кошельках: бабушка – Сережу – победителя летнего шахматного турнира в парке Сокольники; мама – Сережу на пьедестале, в международном детском лагере, первое место за бег в мешках. На обоих фото Сергей выглядел взъерошенным перепуганным цыпленком, выкинутым из родного гнезда. Но маме и бабушке казалось – олимпийским героем в детской категории.

Кроме мамы и бабушки, могла нагрязнеть старшая сестра Лена. Заглянуть по дороге на оптовый рынок, где затоваривалась вещами для сыновей – подгузниками для младше-

го Илюши и сезонным барахлишком для старшего Костика. Лена не мучила брата нудными рассказами о чудесных способностях племянников. Лена трывдела о недостатках мужа. Хорошего парня, по мнению Сергея, надежного и работающего, только такого и пожелаешь родной сестре. Но Ленка настырно изыскивала в муже недостатки, мелкие, но въедливые. Попробуй расскажи об этих недостатках маме или бабушке, мужниной родне или подругам! Сплетен и домыслов потом не оберешься. А в брата – как в могилу. Поэтому приходилось терпеть и пропускать сестрины речи мимо ушей. С другой стороны, если у таких мировых ребят, как Ленка и ее муж, в семье черви водятся – то на кой жениться?

Так же в сей полуденный час могли явиться не обремененные строгим служебным графиком или безработные друзья (школьные, институтские, с прошлых работ, из отпусков, случайных посиделок и прочие не-помню-откуда-знаю личности), плюс соседи снизу, сверху, у которых то течет, то подписи за-против детской площадки или автомобильной стоянки собирают. Еще добавим коробейников, втюхивающих пылесосы за две тысячи баксов, и пейзанок с мешками картошки, морковки и прочей редьки за три рубля тонна.

Иными словами, Сергея не взволновал (не напряг, как он выражался) звонок в дверь. Сергей встал, сладко потянулся, по дороге к двери завернул в туалет (кому надо, тот подождет), еще раз от души зевнул, встряхнул отдохнувшие мышцы и открыл входную дверь.

За ней стоял не друг, не сосед, и уж, конечно, не бабушка, мама или сестра. Совершенно незнакомый бугай. На голову выше, то есть два метра десять сантиметров – точно, в тельняшке, которая виднелась за распахнутой на груди ветровкой (куртка даже без признаков подделки под фирменную вещь). Тельняшка бросилась Сергею в глаза, потому мгновенно родилась идея – прийти на дискотеку в элитный клуб «Весло» одетым в джинсы дольчегабановские (говорят, такие появились), мокасины прадовские (уже имеются), носки-трусы у меня тип-топ, а на мужественном моем торсе – растянутый советский тельник застойных времен. Где его взять? Поискать в Интернете – вариант, или спросить у этого кроманьонца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.